

СТАТЬИ

Л. Садник

К ПРОБЛЕМЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

В 1909 г. польский ученый Розвадовский, рецензируя этимологический словарь Бернекера, счел нужным извиниться за то, что затронул в своей статье и подверг обсуждению чисто грамматический вопрос¹. При разработке большинства заглавных слов (Stichwörter) и современный этимолог находится все еще в положении Розвадовского в виду требований, предъявляемых к этимологическим словарям, посвященным отдельному славянскому языку, а также к сравнительным словарям, охватывающим словарный состав всех славянских языков. Преступая же пределы более или менее произвольного, на «прародстве» с другими индоевропейскими языками основанного перечисления слов и стремясь на основе существующих данных упорядочить славянский материал и таким образом выяснить его связь или отсутствие таковой с использованным неславянским материалом, современный этимолог принужден заняться грамматическими проблемами. При этом он только в редких случаях может опираться на ранее разработанные позиции, так как большинство из них устарело и не соответствует новейшим познаниям.

За последнее десятилетие в ряде основополагающих работ, касающихся фонетических, морфологических и связанных с ними синтаксических проблем, начинает обрисовываться известный перелом в развитии славянской филологии, что в свою очередь заставляет этимолога всесторонне изучить и проверить изобилие новых научных идей и импульсов с целью применить и вместить их в своей работе. При этом ему необходимо уточнять особенно те новоприобретенные результаты исследований, которые являются ключом к пониманию его подхода к проблемам и обосновывают в его работе расположение материала, критический разбор известного словообразования, рассматриваемого им с новой точки зрения, определение источников заимствований и мотивировку того, почему одно слово в сомнительных случаях он при-

¹ RS II, стр. 81.

числяет к коренным, исконно славянским, другое же — к заимствованным, иноязычным и т. д. При анализе целых гнезд слов, обладающих прозрачной связью с другими индоевропейскими языками, также необходимо учитывать достижения новейших грамматических изысканий. Другими словами, и здесь этимолог может только с крайней осторожностью опираться в своих исследованиях на ранее опубликованные этимологические труды, а также на подготовительные работы современных ученых, авторы которых до сих пор еще не уделяют должного внимания новым результатам в области грамматических изысканий.

Необходимость тесного сотрудничества этимологической и грамматической дисциплин демонстрируется наглядно любой семьей слов, обладающей достаточным количеством форм и производных. Так, на основе славянского материала примером может послужить словесный ряд, который мы можем и желаем отнести к др.-инд. *bharati*, греч. φέρω, лат. *ferō*.

Стар называемая «вторая основа на \bar{a} », зафиксированная в старославянском **вкрати** (к унаследованной форме настоящего времени **верж**), убедительно разъяснена в труде Х. С. Станга, который доказал ее связь с конструкцией славянских глагольных парадигм². Поэтому в рамках этимологического словаря было бы совершенно достаточно только указать на эту работу (или на иную, более новую, использующую результаты исследований Станга). Вместо этого мы находим в «Русском этимологическом словаре» Фасмера (т. I, стр. 81: *беру, брать*) непонятное и необоснованное сопоставление ст.-слав. **вкранъ** (страдательное причастие прошедшего времени) и др.-инд. *bibhrāṇah* (причастие настоящего времени, среднего залога от атематического *bibharti*). Фасмер цитирует при этом Зубатого³, который придерживается мнения о генетическом родстве обеих форм. В опровержение подобных толкований следует заметить: 1) в данном случае в древнеиндийской форме мы имеем дело с исконной нулевой ступенью *bi-bhr-*, к которой примыкает суффикс $\bar{a}na$, в славянском же тут стоит вторичная (подражательная) нулевая ступень с претеритальным суффиксом \bar{a} ; 2) ни в коем случае недопустимо формы одной языковой системы переносить на другую, не считаясь с функциями, которые они выполняют в данных системах.

Как у Фасмера, так и в других новейших этимологических словарях вполне обоснованно отсутствуют такие формы, как *birajo, birati*, которые у Бернекера фигурируют в роли заглавных слов. В настоящее время мы знаем, что простые слова (*simplicia*) с корневым гласным в долгой степени, встречаю-

² Chr. S. Stang. Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942, стр. 75 сл.

³ LF 28, стр. 31.

щиеся в отдельных языках, являются не чем иным, как формами, абстрагированными от сложных слов (*composita*). Но признание этого факта не дает нам права исключить из круга наших исследований многочисленных оппозиции префигированных глаголов (*sъbъrati : съbъirati . . .*) и отглагольных производных с различными корневыми гласными⁴. Это отрицательно влияет на изучение семантики данной семьи слов и на выяснение вопроса, принадлежит ли с этимологической точки зрения слово со звуковой формой *bir-* к рассматриваемой семье или нет. Если подобное слово зафиксировано в западнославянских языках, то мы а priori должны отрицательно отнестись к вопросу о его принадлежности к корню *bher-*, так как в древнейших западнославянских памятниках мы встречаем вместо долгой ступени *-bir-*, построенной на основе аориста, долгую ступень *-bĕr-*, развитую на основе настоящего времени и нашедшую широкое распространение у дуративных глаголов *e/o*-типа, без второй основы на *-ā*, являющейся основой аориста. (Например, к *e/o*-глаголу *-gnesti*, *gnęto* префигированными имперфективными формами являются ст.-слав. *у҃гнѣтати*, русск. *угнетать*, словен. *ugnĕtati*, польск. *wygniatać*.) Считая долгую ступень *-bĕr-* вторичной и признавая исходной долитературной имперфективной ступенью *-bir-*⁵, мы не можем предполагать существования именных образований от комплементарных глаголов *-birati*, конкурировавших в долитературный период с исконными отглагольными производными. (Я имею в виду первичные производные типа *bor-*, созданные путем чередования гласных, а кроме того, образования, развитые на основе настоящего времени или аориста, большинство которых возникло в период дифференциации языков.) Если даже допустить возможность именных образований от доисторического *-birati*, то необходимо сразу же отметить, что такие именные образования могли бы возникнуть исключительно как префигированные словосложения. В праславянском языке симплекс **birati* никогда не существовал. Поэтому слова со звуковой формой *bir-*, встречающиеся в южнославянских и восточнославянских языках, нельзя приписать к отглагольным образованиям без предварительного точного исследования области их распространения и времени их появления.

Учитывая вышеизложенное, мы можем с полной уверенностью отрицать возможность отглагольных образований от *bir-*, следовательно, таких слов, как др.-чеш. *biřic* 'глашатай, провозвестник

⁴ Приятным исключением в этом отношении является «Български етимологичен речник» (София, 1962 и сл.), содержащий богатый материал и учитывающий различные диалекты, см. св. I, стр. 42 (в дальнейшем цитируется как БЕР).

⁵ Вокализм *-biera* в др.-польск. *sbyerać* (вместо ожидаемого *-biara*) является, по-видимому, таким же секундарным, как и в др.-польск. *umyeram*, существующем наряду с регулярным *umyram*.

(божий), полицейский или судебный служитель' и др.-русск-биричь 'глашатай, объявляющий распоряжения властей' (в летописях, например ПСРЛ I, 122 под 992 г., и в грамотах, начиная с 1229 г. Ср. Срезневский), начиная с XV в. 'полицейский чиновник, судебный служитель' (более поздняя форма *бирючь* 'вестник, глашатай' в допетровской Руси). Предположение, что перечисленные формы относятся к глаголу *-birati*, было высказано Н. М. Шанским⁶. Суффикс *-ič* возник тут, без сомнения, по аналогии с суффиксальной системой чешского языка. (Интересно отметить, что **biritjo-* не существует ни в старославянском языке, где мы в этом случае ожидали бы форму **вириць*, ни в сербохорватском. Старославянская форма, встречающаяся у Ф. Миклошича в «Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. . .», и с.-хорв. *birič* в «Rječnik» Академии наук Югославии, являются фикциями.) Это слово в значении 'полицейский чиновник или судебный служитель, препровождающий заключенных в тюрьму' проникло и к лужицким сербам и встречается в в.-луж. *běrc* и н.-луж. *běric*. Вокализм обоих слов отражает влияние образований от основы на *-bēr-*. Развитию гласного *-ě-* способствовало, кроме того, чередование гласных *ě/i*⁷. Ср. «побочную» форму *biric* у Э. Муки и там же (под 1) указанные значения *běric/biric* 'бирич, глашатай, приказный служитель' и 'экзекутор, сборщик податей'⁸.

В южнославянских языках, где имперфективный тип *-bir-* нашел широкое распространение (например, *pogribati* 'похоронить' вместо *pogrěbati* в Супрасльской рукописи), поствербальные образования от этой основы встречаются только в единичных случаях и производные от типа *-birati* известны исключительно в словосложениях. К древнейшим примерам можно отнести термин *извиривь* 'имея выбор', зафиксированный в Богословии Иоанна Екзарха, и слово *набирокъ* 'гроздь, оставшаяся после виноградного сбора' в пандектах Антиоха XI в. Богословский термин Екзарха является его личным моментальным словообразованием, сложное же слово *набирокъ*, с архаичным префиксом *pa-*, объясняется без затруднений как подражание более древней, на основе *ber-* развитой форме, которая сохранилась в болгарском слове *наберки* мн. ч. 'сбор колосьев после жатвы или сбор фруктов после уборки' и в словенском слове *pāberek* 'зерно или колосья, оставшиеся после жатвы'⁹. Для древней эпохи, в кото-

⁶ «Этимологический словарь русского языка», II. М., 1965, стр. 122 и 124.

⁷ О чередовании см.: К. Е. М у с к е. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache. Leipzig, 1891.

⁸ М у к а I, стр. 30 и 35.

⁹ Для данного слова, которое, насколько мне известно, впервые в 1712 г. встречается у А. В. Р. Н и р р о л ы т и. Dictionarium trilingue latino-ger-

рой еще не существовало декомпонированной формы *birati*, нет основания предполагать наличие отглагольных производных без префикса, т. е. вне словосложения. В сербохорватском языке древнейшие примеры производных от *birati* относятся к XVI в.

Все вышесказанное имеет особое значение при классификации древнесербского слова *бирь*, встречающегося в сербской церковной терминологии начиная с XIII в. Слово означает 'налог, подушную подать' (деньгами или натурой), которая платилась священнику. Хорватское слово *bir* ж. р. также означало '(подушную) подать, которую взимали светские власти'. Тут оно принадлежало до XVI в. к склонению женского рода основ на *-i-*, но наряду с этим, начиная с XV в., оно встречается как слово мужского рода и постепенно приобретает, как таковое, устойчивость. Немного моложе древнесербского примера среднеболгарское *бирь* (в Хронике Манассия), впоследствии *бир*, *бирка* (по указанию БЕР, устаревшая диалектная форма) в значении 'налог, подать'. Также и отмеченное у Миклошича («Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. . .») слово *вирь* 'подать' по происхождению принадлежит к балканской области, так как оно взято Миклошичем из собрания Ю. Венелина «Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты». Сюда же надо причислить слово *вирьчий* 'сборщик податей' и, наконец, отмеченное у Даля *бирь* 'поголовная подать' или 'подушное с царан', встречающееся на территории Бессарабии. Но несмотря на то, что это слово было распространено в области, в которой уже в раннюю эпоху мы можем установить единичные примеры именных образований от имперфективной глагольной основы *-bir-*, отсутствие префиксов у примеров XIII—XIV вв. явно опровергает мнение, высказанное Бернекером (Berneker I, стр. 57) и перенятое и пропагандируемое Славским (RS 23, стр. 152) о том, что якобы *бирь* является поствербальным образованием. Возникновение отглагольного образования с основой *-bir-* относится к более позднему периоду, а именно ко времени, когда в южнославянском появились многочисленные слова, созданные на этой основе. Так, в настоящее время существует в болгарском языке рядом с диалектным *берия* 'подать' и форма *бирия*; в сербохорватском языке мы имеем диалектное слово *bir* ж. р. в значении 'сорт' (*loza dobre biri*, Далмация); в словенском языке употребительны слова *bira* в значении 'сорт, сбор урожая' и *béra* 'сбор урожая', а также 'сбор (церковных) пожертвований' и проч. Если с точки зрения грамматических соображений приходится отрицать чисто славянское

manico-slavonico-latinum, не исключена возможность заимствования из чешского языка. Чешское *raběrek* построено на долгой ступени *-běr-*. Если же предполагать для словенского слова местное, чисто словенское происхождение, то тогда нельзя исходить из долгой ступени, которая чужда словенскому языку. (Этот взгляд противоположен мнению Миклошича — см.: Miklosich, стр. 9.)

происхождение слова *бирь*, то его предполагаемое заимствование из венгерского языка, в котором *bér* (с долгим узким *e*, звучащим на обширном диалектном пространстве как *i*) означает 'цену, ценность, заработную плату, проценты, задаток', — является, по соображениям исторической словарной географии, крайне сомнительным. Отсутствие прямой связи с венгерским языком в данном случае демонстрируется не только ранним наличием слова в сербском и болгарском языках и в памятниках приморского края (в которых чрезвычайно редки заимствования из венгерского языка), но также особенно тем фактом, что слово ни разу не встречается в текстах кайкавского наречия¹⁰. Итак, несмотря на протесты Славского (см. выше), мне кажется благоразумным примкнуть к мнению авторов БЕР, которые предполагают независимое заимствование как венгерского *bér*, так и славянского *бирь*¹¹ из протоболгарского.

С грамматическими фактами связаны не только этимологические проблемы, но и ряд семантических вопросов, к разрешению которых обыкновенно стремятся большинство этимологических изысканий. В нашем конкретном случае нас интересует разъяснение не значения 'собирать', присущего старославянскому **вѣрж**, **вѣрати** в отличие от других индоевропейских языков¹², а значения 'братъ', которое зафиксировано во всех этимологических словарях. Как известно, в этом смысле глагол существует в восточно- и западнославянских языках в виде комплементарного глагола к *ѣти*, вернее, *вѣзати*. Например, др.-чеш. *beru*, *bráti* : *vezmu*, *vzieti* (в то время как симплекс др.-чеш. *jieti*, соответствующий ст.-слав. **ѣти**, имеет значение 'ловить') или русск. *беру*, *братъ* : *возьму*, *взять*. В виду того, что глагол *beru*, *bráti* вступил в видовую оппозицию к недуративному и ставшему в дальнейшем развитии двуглагольной видовой системы перфективным *вѣзати*, то изменение его смыслового содержания связано здесь с грамматической проблемой. Словарный материал русского языка дает наилучшую возможность для разрешения данной проблемы, так как оппозиция *братъ* : *взять* осуществилась в нем только в так называемый письменный период развития языка. Например, др.-русск. *брати* в 1-й Новгородской летописи означает 'собирать' или 'взимать налоги', а не 'братъ' в теперешнем смысле: . . . аю

¹⁰ Л. Хадрович в адресованном мне письме обратил мое внимание на отсутствие *bir* в латинских текстах Хорватии и указал на ошибку В. Мажураича (V. Mažuranić. Prinosi za hrvatski pravno-povjestni rječnik. Zagreb, 1908—1922), сославшегося в этом отношении на Ткальчича (Tkalčić. Monumenta civitatis Zagrabensis, IV, стр. 279).

¹¹ Вопрос, касающийся венгерского языка, обстоятельно разработал З. Гомбоц (Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912, стр. 43).

¹² На основании значения глагола в других индоевропейских языках мы можем восстановить для него в индоевропейском праязыке значение 'носить'.

ти повелѣша на новгородѣхъ сребро имати (!) а по волости куры брати. . .¹³ Это древнее значение глагола *брати* переняло в дальнейшем словосложение с префиксом *съ-*, в глагольной оппозиции *собрать* : *собирать*. Глаголы др.-русск. *събрати* и *брати* были по смыслу очень близки друг к другу, и разница в их значении была крайне незначительна. Оба глагола служили для выражения понятия, которое мы постараемся описать приблизительно следующим образом: повторно или непрерывно брать что-нибудь в руки (грибы, фрукты и т. д.) и складывать их в определенное место (например, в корзину или сносить под дерево. . .). Второй элемент действия особенно ярко подчеркнут в смысловом содержании глагола *събрати*, что логически препятствовало его потере, в противоположность к непрефигированному глаголу *брати*, который, потеряв свой второй элемент действия, в большинстве славянских языков теперь имеет исключительно значение 'брать'.

Так как утрата одного из элементов действия (существенного для первоначального понятия) нашла свое выражение в образовании новой грамматической оппозиции (например, др.-чеш. *bráti* : *vzieti*, русск. *братъ* : *взять*), то становится необходимым семантически проанализированный процесс подвергнуть, кроме того, и грамматическому исследованию как единственной дисциплине, которая в состоянии в этом случае объяснить нам причину утраты прежнего значения 'собирать'¹⁴.

Исходной точкой вышеуказанного процесса, проанализированного здесь на основе русского словарного материала, надо считать всем хорошо известный факт постепенного исчезновения непрефигированных недуративных глаголов в процессе формирования видовой системы¹⁵. В нашем конкретном случае из обихода был изъят глагол *ѣти* и заменен в отдельных языках континуантами глагола *взѣти*. Уже в древнерусском языке глаголы *ѣти* и *взѣти* были часто синонимичны. В летописях оба глагола применяются в значении 'схватить, поймать'. По отношению к современному значению 'взять' это только интенсификация одного и того же понятия, которая во всякое время (так уже и в др.-русск. языке) могла и уменьшиться. Существенным является лишь то обстоятельство, что в известный период *взѣти* совершенно вы-

¹³ См. издание А. Н. Насонова: «Новгородская первая Летопись. . .» М.—Л., 1950.

¹⁴ Ссылка на А. Вайяна (A. Vaillant. — RÉS XXII, стр. 29), обычная во всех этимологических словарях, не облегчает нам разрешения данного вопроса, так как у Вайяна не исследован материал отдельных славянских языков.

¹⁵ К пояснению этого процесса см.: R. Aitzetmüller. — ZfslPh XXX, стр. 310 сл. Тут обозначена и исходная точка развития в западноевропейских языках, соответствующего в конечном результате русскому развитию. Хотя сам процесс развития в западнославянских языках, по всей вероятности, в частности отличался от русского.

теснило из употребления *мати*, что привело: 1) к утрате глагола *имати*; 2) к необходимости образовать «новый» дополнительный (комплементарный) глагол, который по своему значению смог бы заменить *имати*. К замене могли быть пригодны как глагол *възъмати* (*възимати*), так и *бърати*, в первую же очередь др.-русск. глагол *възъмати* (*възимати*), который в значении 'собрать подати' был синонимичен с глаголом *бърати*; например, 1-я Новгородская летопись (82, 25—26): . . . и бысть мѣтежь великъ в Новѣгородѣ, и по волости много зла учиниша беруче туску оканьнымъ Татаромъ. . .; (43, 13—15): . . . а Ярославъ княжаше на Търъжку въ своеи волости, и дани поима по всему Върху и Мъсте, и за Волокомъ *възъма* дань. Вопрос, почему в современном русском языке глагол *взимать* употребляется еще в старинном значении, а глагол *брать* вступил в видовую оппозицию к *взять*, — решается следующим образом: модификация старинного значения глагола *бърати* не повлекла за собой пробела в глагольной системе, так как присущее ему полное значение могло быть ярко и предельно выражено префигированным глаголом *собрать* : *собрать*.